

Бой часов стил. Отзвук последнего удара ещё долго плыл над Темзой, пока наконец его не подхватил ночной ветер и не растворил в густом лондонском тумане.

Толпа на площади медленно расходилась, словно отхлынувший прибой, а веселье и смех рассыпались на мелкие осколки, которые ветер разнес во все стороны.

Обрывки серпантина и воздушных шаров валялись на влажных каменных плитах, истоптанные поспешными шагами, прилипнув к земле — безмолвное свидетельство недавно отшумевшего грандиозного праздника.

Мистер Эванс зевнул и бережно убрал фотоаппарат в сумку. Миссис Эванс плотнее закуталась в шарф и позвала детей собираться.

Лили уже клевала носом, прислонившись к матери, и продолжала бормотать о том, какие красивые были фейерверки. Петуния стояла рядом, засунув руки в карманы, и терпеливо ждала.

Ты припала к ногам Северуса, положив хвост на его ботинок, и чувствовала исходящее от его щиколоток сквозь кожурятку тепло. Он ничего не говорил и не двигался — просто стоял, глядя на расходящихся людей и пустеющую площадь.

Миссис Эванс подошла ближе, наклонилась и потрепала тебя по голове:

— Сия, идем домой.

Ты встала и отряхнула шерсть. Ты подняла взгляд на Северуса: его лицо наполовину тонуло в тени от уличного фонаря, и выражение было не разглядеть.

Кончиком носа ты легко коснулась тыльной стороны его ладони, после чего повернулась и зашагала за Эвансами к выходу с площади.

Сделав несколько шагов, ты остановилась и оглянулась.

Он все еще стоял там. Один, под погасшим фонарным столбом, с поднятым воротником пальто и руками в карманах, глядя тебе вслед.

Он не пошел за тобой и не стал махать на прощание. Он просто стоял, похожий на забытую в углу черную чертежную линейку.

Ты повернулась и пошла дальше.

Вышли с площади, миновали уже стихшую улицу и свернули в переулок, ведущий к вокзалу.

Уличные фонари вытягивали тени вашей семьи в длинные-длинные силуэты, которые на сыром асфальте то сливались, то расходились вновь.

Мистер Эванс шел впереди, миссис Эванс держала его под руку, полусонная Лили сжимала мамину ладонь, а Петуния замыкала шествие.

У развилки дорог Петуния вдруг остановилась.

Она бросила взгляд назад.

В ту сторону путь не вел к дому. То была дорога к площади. Она ничего не сказала, просто постояла так, вглядываясь в уже не видимые отсюда огни.

При свете фонаря её лицо казалось смазанным, и ты не могла разобрать её выражения. Затем она отвела взгляд, опустила голову и встретила глазами с тобой — ты как раз смотрела на нее снизу вверх.

Она на мгновение замерла, потом присела на корточки и мягко потрепала тебя за уши.

— ...Пойдем, Сия. Домой.

Она выпрямилась и зашагала дальше. Ты семенила рядом с её ногой, и твой хвост легонько касался её икр. Ты не оглядывалась, но чувствовала, что она идет чуть медленнее обычного, будто дожидаясь тебя.

Стоило семье Эванс скрыться за углом, как ты остановилась.

Ты встала под фонарем, и его свет лег на твою белоснежную шерсть мягким золотистым сиянием. Ты закрыла глаза, позволяя знакомому теплоте потоку разлиться из самого центра груди: кости вытянулись, фигура изменилась.

Мгновение спустя ты вновь стояла на зимней улице в человеческом облике. Длинные белые пряди струились по плечам, лисьи ушки чуть подрагивали на холодному ветру, а дыхание срывалось с губ белым облачком пара.

Ты потянула за кончик красного шарфика на шее, прикрывая им половину лица, крутанулась на каблуках и побежала обратно той же дорогой.

Он ждал тебя у входа на площадь.

На том же месте, в той же позе — с поднятым воротником и руками в карманах, словно и вовсе не сдвинулся с места.

Но когда он увидел, что ты возвращаешься, на его лице не отразилось ни тени удивления — так, будто он с самого начала знал, что ты придешь.

Ты остановилась перед ним, тяжело дыша, и пар клубами вырывался у тебя изо рта. Ты смотрела на него, а он — на тебя. Ветер с площади гулял по пустым каменным плитам, трепля пряди твоих белых волос и полы его черного пальто.

— Я так и знал, что ты вернешься, — произнес он. Голос звучал ровно, как констатация очевидного факта.

Ты усмехнулась, обнажив острый клычок:

— Раз знал, зачем ждал?

Он пропустил вопрос мимо ушей. Развернулся и зашагал вперед. Ты последовала за ним, держась сбоку. Ваши тени под фонарем то сливались, то разъединялись, напоминая две хрупкие, едва соприкасающиеся линии.

— ...Чего это ты вдруг пришел сегодня? — спросила ты.

Он ответил не сразу. Пройдя несколько шагов в молчании, он заговорил, и его слова смазал ночной ветер:

— ...Захотелось взглянуть.

— На что?

Он снова промолчал. Пройдя еще немного, он бросил:

— ...Посмотреть, каков он, этот Новый год.

Ты покосилась на него. В свете фонаря его профиль казался резким и точеным, а переносица напоминала крутой горный склон. Он не смотрел на тебя, его взгляд был прикован к дороге впереди, а выражение лица оставалось невозмутимым, не выдавая никаких эмоций.

Ты не стала допытываться. Просто сбавила шаг, подстраиваясь под его темп. Вы шли плечом к плечу по тихим, пустынным улочкам.

Зимний Лондон тяжело дышал вокруг вас, изредка проезжало ночное такси, фары выхватывали наледь на обочине и вновь тонули за поворотом.

— ...Когда ты возвращаешься? — спросил он.

— Успеется, — ответила ты. — Эвансы думают, что я уже дома.

Он помолчал пару секунд, а затем издал едва слышный звук, похожий на усмешку:

— ...Ну и смелая же ты. Запросто шляется лисица посреди ночи по лондонским улицам.

— Я не обычная лиса, — возразила ты.

— Знаю.

Вы прошли еще немного. Миновали уже закрывшуюся пекарню, в витрине которой горел крошечный ночник, освещающий ряд нераспроданных багетов на полке.

Мимо телефонной будки, покрытой изморозью. Мимо мигающего уличного фонаря — Северус поднял голову, молча обошел тебя и перевел на более освещенную сторону ближе к стене.

Ты заметила это. Но промолчала.

Когда вы ступили на небольшой мост, он остановился. Темная вода внизу отражала редкие огоньки с обоих берегов, словно рассыпанная по черному бархату серебряная тесьма. Опершись обеими руками о перила, он долго вглядывался в речную гладь.

Ты встала рядом, тоже устремив взгляд на темную воду.

— ...Что ты собираешься делать дальше? — внезапно спросил он.

Ты повернулась к нему:

— В смысле — делать?

— Не будешь же ты вечно бегать в образе лисы, — произнес он, не сводя глаз с воды. — Ты ведь можешь менять облик. У тебя есть собственный разум. Рано или поздно тебе придется... выбрать себя, выбрать путь.

Ветер с реки взметнул твои белые волосы, хлестнув по щекам. Помолчав немного, ты тихо проговорила:

— ...Я не знаю.

И это была правда. Ты действительно не знала.

Ты знала, что осенью, когда Лили исполнится одиннадцать, прилетит письмо из Хогвартса. Ты знала, что Лили уйдет в тот мир, куда тебе за ней не последовать.

Ты знала, что Северус тоже отправится туда — вместе с Лили они сядут в тот самый пароход и шагнут сквозь стену на платформу девять и три четверти, куда тебе путь заказан.

Ты знала, что они попадут в чужое для тебя измерение — мир, который не принадлежит ни людям, так же как не принадлежит и тебе.

И что тебе тогда делать?

Ты опустила голову, глядя на белые пряди, сбегające на грудь. Уши виновато прижались, хвост безвольно повис за спиной, почти волочась по земле.

— ...Я не знаю, — повторила ты чуть тише прежнего.

Северус ничего не ответил. Молчание затянулось настолько, что ты уж было подумала, будто он больше не скажет ни слова. Но затем он заговорил — тихо, так, будто обращался к самому себе:

— ...Неважно. Главное — не исчезай.

Ты подняла на него глаза. Он все так же смотрел на реку, не поворачивая головы. Но его пальцы на периллах чуть побелели от напряжения.

Кончик твоего хвоста нервно дернулся.

— ...Угу, — произнесла ты. — Не исчезну.

Он постоял на мосту еще немного, затем выпрямился и развернулся назад.

— Пошли, — бросил он. — Проведу тебя.

Ты покачала головой:

— Не нужно. Я знаю дорогу.

Он замер, обернулся, и его брови чуть сошлись на переносице:

— Ты уверена?

— Уверена, — улыбнулась ты уголками рта. — Я ведь лиса. Лисы не заблудятся.

Он смотрел на тебя еще какое-то время, а затем отвернулся и бросил своим привычным, наигранно-ледяным тоном:

— ...Как знаешь. Потеряешься — на меня не пеняй.

— Не буду.

Больше он ничего не сказал и зашагал в сторону Прядельного тупика. Шел он быстрее

прежнего, и полы пальто развевались на ночном ветру.

Ты осталась стоять на мосту, глядя, как его фигура становится все меньше и расплывчатее, пока окончательно не растворилась в тени у поворота.

Какое-то время ты стояла в одиночестве. Вода под мостом журчала тихо и монотонно. Ночной ветер проносился меж волос, теребил твои лисьи уши, принося из какого-то дома запах горящих дров в камине.

Ты подняла глаза к небу — тучи немного рассеялись, обнажив россыпь блеклых звезд.

Ты тронулась в путь.

Шаги давались медленнее, чем по дороге сюда. Опустив голову, ты следила за тем, как носки твоих туфель ступают по сырому асфальту, а в голове роился целый рой беспокойных мыслей.

У Северуса скоро день рождения.

Девятое января. Ты помнила это отлично. Что ему подарить? Надела ли он тот защитный амулет с прошлого Рождества? У тебя никак не было случая проверить.

Но тогда самоцвет был добыт благодаря силе лисьего демона и отполирован твоими собственными руками, а сейчас? Больше камней ты дарить не могла — во-первых, у тебя не было столько времени на поиски и огранку, а во-вторых, повторяться не имело смысла.

Чего ему не хватало? Ему не хватало всего, но он словно наотрез отказывался принимать любые подарки. Купить новую одежду? Он ни за что не возьмет, да еще и заподозрит, откуда у тебя деньги.

Книгу? Все то, что ему нравилось, выуживалось из коробок на старых букинистических развалах, новую ты купить была не в состоянии, да и откуда тебе знать, что у него уже есть, а чего нет.

Твои уши опустились еще ниже.

И тут в голову пришла другая мысль — та, от которой сердце сжалось куда сильнее, чем от мыслей о дне рождении.

Письмо из Хогwartса.

Если верить хронологии, летом того года, когда Лили и Северусу исполнится по одиннадцать, к

ним прилетит сова.

Они вместе отправятся на Косой Аллею за палочками, мантиями и учебниками, а первого сентября сядут в поезд до Хогвартса.

А что будешь делать ты?

Ты не сможешь отправиться следом. В Хогвартс не разрешается приводить животных, кроме разрешенных питомцев, и уж тем более ты не какая-нибудь ручная кошка — ты лисий демон, способный принимать человеческий облик.

Появись ты там в человеческом виде, у тебя не окажется никаких документов, никакой магической родословной, даже законного имени. Ты — существо, не числящееся ни в одном реестре этого мира.

И к тому же... ты лиса. Ты даже не уверена, сможешь ли вообще совладать с палочкой.

Как быть?

Ты бредла вперед, опустив голову и свесив хвост, а в мыслях клубился настоящий комок шерсти, который растерзанная кошка завязала в тугой узел — ни за один кончик не ухватиться, чтобы распутать.

Ты даже не заметила человека впереди.

Пока не врезалась в него лбом.

Шагнув назад и зажав ладонью ушибленный лоб, ты вскинула голову — и остолбенела.

Перед тобой стоял мальчик.

На вид он был чуть старше твоего текущего облика, лет одиннадцати-двенадцати. Одет он был в роскошное одеяние, какого в этом районе ты срочно отродясь не видела.

Темно-серый бархатный сюртук с изящным тиснением по вороту и манжетам, под ним белоснежная сорочка на серебряных пуговицах, тускло поблескивавших в свете фонаря. Брюки — идеально отглаженные черные брюки, на ногах — начищенные до зеркального блеска туфельки.

Весь его облик разительно диссонировал с облезлыми уличными стенами, облупившимися столбами и забитыми грязным снегом ливневками — казалось, он только что сошел со

старинного аристократического портрета.

У него были правильные, резкие черты лица. Черты еще не успели окончательно сформироваться, но уже угадывалось, каким писаным красавцем он станет в будущем.

Густые темные волосы вились крупными прядями, падая на лоб и виски; высокие скулы и пронзительные серо-голубые глаза, похожие на кусочек зимнего неба подо льдом.

Уголки губ были чуть приподняты в ленивой усмешке, отчего казалось, что он улыбается, хотя в глазах читались чистое любопытство и оценка.

Стоя под фонарем, он засунул одну руку в карман брюк, а другую небрежно упер в бок, склонил голову набок и с интересом окинул тебя взглядом с ног до головы.

Затем его внимание замерло на твоих подрагивающих белых лисьих ушах — пара секунд, и взгляд скользнул ниже, на пушистый хвост, замерший еще на пару секунд.

Он приподнял бровь. Звучный, звонкий мальчишеский голос, в котором сквозила врожденная, ничем не прикрытая самоуверенность, разрезал тишину:

— Эй, ты что за зверь такой?

Ты замерла на месте, глядя на него во все глаза.

Его взгляд был прямым и открытым, без малейшего страха или фальши — это не был испуг взрослого перед чем-то странным и не детское чистое любопытство к новой игрушке.

Это был взгляд из серии: я повидал на своем веку всякую дичь, но ты определенно сумела меня развлечь.

Ты приоткрыла рот, соображая, что ответить, но он опередил тебя:

— Только не говори, что это маскарад — сейчас два часа ночи, Хэллоуин давно прошел. И вообще, твои уши только что шевельнулись. На самом деле шевельнулись, а не из картона сделаны.

Он шагнул ближе, слегка наклонился, приблизив лицо, и серо-голубые глаза в свете фонаря принялись с удвоенным усердием изучать твои черты.

Взгляд скользнул от глаз к ушам, от ушей к хвосту, после чего он выпрямился и изрек тоном окончательного судьи:

— Ты какая-то нечеловеческая тварь. Верно?

Помолчав пару секунд, ты выдавила:

— ...А ты кто такой?

Он моргнул, а затем расхохотался. В этом смехе не было ни капли смущения — лишь мальчишеская, задорная удаль, обнажившая два ряда безупречно белых зубов:

— Я первый спросил.

— Сначала ответь ты.

Он склонил голову набок, явно находя тебя занятой собеседницей. После чего с легким жестом протянул руку:

— Я Сириус Блэк.

Ты не стала пожимать протянутую руку. Ты уставилась на него, а зрачки на секунду сузились.

Сириус Блэк.

Семья Блэк. Чистокровные. Площадь Гриммо, 12. Тот, кто в будущем сбежит из дома, попадет в Гриффиндор, станет лучшим другом Джеймса Поттера, крестным отцом Гарри, проведет двенадцать лет в невинном заключении в Азкабана, сбежит из морской тюрьмы на летающем мотоцикле, чтобы доставить Гарри к порогу Дурслей, и падет за арку в Отделе тайн...

Стоящий перед тобой мальчик в бархатном сюртуке с дерзкой улыбкой — это и есть тот самый будущий беглец, отступник, от которого отвернулся весь магический мир, человек, предпочтший смерть за черной занавесью жалкому существованию.

А сейчас он просто стоял перед тобой, вытянув руку, закончил представляться и ждал ответа.

Ты посмотрела на его ладонь. Аккуратно остриженные ногти, чистая кожа, ни единой мозоли — рука человека, который сроду не брался за тяжелую работу, которого с пеленок баловали слуги, чистокровного молодого господина.

Ты не ответила на рукопожатие. Но тихо произнесла:

— ...Сия.

Он убрал руку — твой отказ ничуть его не задел, напротив, пробудив еще больший интерес:

— Сия. Красивое имя. Сама придумала или кто подсказал?

— ...Другие.

— Кто?

Ты промолчала. Он пожал плечами, не настаивая, и тут же сменил тему:

— Ты так и не ответила на мой вопрос — что ты за существо? Я видал домовых эльфов, видел вел с кентаврами, но тебя встречаю впервые. — Он вновь окинул тебя взглядом, задержавшись на лисьих ушах: — Ты превратилась из лисы? Или ты какая-то... восточная тварь?

Поразмыслив секунду, ты ответила:

— ...Лисий демон.

— Лисий демон, — повторил он это слово, будто смакуя звучание, и кивнул. — Никогда не слышал. Но забавно. — Он снова посмотрел на тебя: — Живешь здесь? Райончик явно не по тебе.

— Ты тоже не похож на того, кто шатается по таким местам, — ответила ты.

Он снова усмехнулся. При смехе его лицо словно озарялось изнутри, а в серо-голубых глазах плясали бесстрашные огоньки:

— Сбежал из дома. Там слишком душно, вышел подышать.

Он произнес это так легко и непринужденно, словно говорил: выскочил в лавку за чипсами.

Глядя на него, ты вдруг ощутила всю абсурдность происходящего. Всего час назад ты прижималась к ногам Северуса под бой новогодних курантов, тревожась о подарке и письме из Хогвартса, а теперь нос к носу столкнулась с будущим громовержцем магического мира, который непринужденно болтает с тобой посреди обшарпанной улицы в Ист-Энде, открыв для себя «новый вид».

Уголки твоих губ невольно дрогнули в улыбке.

Заметив это, он улыбнулся в ответ, а затем протянул руку ладонью вверх — на сей раз не для рукопожатия, а приглашающе:

— Пойдем угощу тебя чем-нибудь. Здесь есть круглосуточные заведения? Ты же ешь человеческую еду?

Ты опустила взгляд на его раскрытую ладонь, а затем подняла глаза на его сияющие серо-голубые очи под уличным фонарем.

Внезапно ты подумала, что эта ночь еще не закончена.

— ...Впереди есть круглосуточное кафе, — сказала ты.

Он широко улыбнулся, сунул руку обратно в карман и широко шагнул вперед:

— Погнали, угощаю — в знак знакомства.

Ты двинулась следом. Сделав пару шагов, ты еще раз оглянулась на Прядильный тупик. Огни там погасли окончательно, уступив место непроглядному мраку.

<http://bllate.org/book/21197/2145823>